
ИЗМЕНА
Эффект
Лика
ЛЕВИ
БУМЕРАНГА

Лика Леви
Измена. Эффект бумеранга

https://litres.ru/74854737
SelfPub; 2026

Аннотация

Я тянусь к ручке двери, но слышу свое имя и застываю.

— Тебе Катю не жалко? — спрашивает моего мужа Сергей — партнер по бизнесу.

Саша смеется.

— Катя? — говорит он. — А чего ее жалеть? Она как антикварная мебель: дорого, богато, а тронешь — рассыплется. Катя не в накладе. Пусть живет и не рыпается.

Мир рушится.

Я не дышу. Слова врезаются в виски, пульсируют.

Я — антикварная мебель. Вещь.

Экспонат, который не жалко, потому что он неживой.

— Оформишь квартиру на Алину и переедешь?

Дыхание перехватывает.

Алина?

Квартира?

О чем они говорят?

— Ага. Алинка — это другое. Огонь! Да и ребенок будет. А Катька уже свое пересидела.

Ребенок?

У них будет ребенок!

Пятнадцать лет я считала наш брак счастливым, а муж привел любовницу в мой дом.

Я не подписывалась на жизнь втроем. И не собираюсь это терпеть!

Содержание

Глава 1. Катя 5
Глава 2 12
Глава 3. Саша 19
Глава 4. Катя 25
Глава 5 33
Глава 6. Саша 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Лика Леви
Измена. Эффект бумеранга

Глава 1. Катя

Просыпаюсь за секунду до будильника.

Тело знает это время лучше мозга. Шесть утра, в щель между шторами пробивается серый предрассветный свет. Лежу неподвижно и смотрю в потолок, который сама проектировала пятнадцать лет назад. Каждая балка, каждый сантиметр этого дома — все помню.

Рядом пусто. Простыня на половине Саши остыла. Он встал бесшумно. Не разбудил поцелуем, не обнял перед уходом. Просто исчез, как тень.

И так в последнее время постоянно.

Пытаюсь вспомнить, когда мы в последний раз целовались, и не могу.

Встаю, заправляю постель. Движения отработанные: взбить подушку, разгладить покрывало. Пальцы скользят по ткани, поправляют складку. Кажется, если перестану это делать — наступит хаос.

Иду в ванную. Останавливаюсь у тумбочки. На ней фотография. Поставила сюда давно, когда мы въехали в этот дом.

На снимке я двадцатипятилетняя, с распущенными волосами, смеющаяся в объектив. Тогда еще работала архитектором, носила джинсы с дырками и курила на балконе. Саша сделал этот снимок на старую «Зенит».

Тот день отчетливо помню: июль, жара, поехали за город смотреть участок. Он сказал:

— Здесь построим наш дом. Ты спроектируешь, я построю. Будем жить в нем вечно.

Смотрю на ту девушку и вижу незнакомку. Она глядит с насмешливым вызовом и будто спрашивает: «Где твои джинсы? Где чертежи?»

Показываю ей язык.

В ванной цепляю взглядом свои руки, ухоженные, с аккуратным маникюром. Но, если присмотреться, на запястье синяя вена. Тонкая, слишком близкая к поверхности. На секунду кажется: это не моя рука. Рука чужой женщины, которая живет в моем доме.

И ей уже сорок два. Разглядываю себя в зеркале. Кожа еще упругая, морщин почти нет, разве что у глаз, когда улыбаюсь, мелькают паутинки. Не улыбаюсь — исчезают.

Спускаюсь на кухню. Иду босиком по ступеням. Каждая ступенька моя. Помню, как выбирала эту древесину, как спорила с поставщиком. Саша смеялся:

— Ты с ума сойдешь с этими деталями.

Не сошла. Построила этот дом.

Кухня встречает запахом утра. Просторная, светлая, с

французскими окнами. Провожу ладонью по мраморной столешнице. Ее я выбирала три месяца. Саша смеялся:

— Кать, это просто камень.

А я ответила:

— Нет. Это история.

Моя жизнь тоже когда-то была как этот камень — с рисунком, с характером. А теперь стала гладкой, отполированной.

Открываю холодильник, достаю яйца, помидоры, зелень. Начинаю готовить. Движения отточены до автоматизма. В моей жизни все засекается, все измеряется. Шесть утра — подъем. Семь — завтрак. Половина восьмого — муж уходит. Восемь — уборка. И так пятнадцать лет.

Жарю яичницу-глазунью. Ровно на две порции. Белок схватывается, желток остается жидким — как любит муж. Тосты подрумяниваются. Сок — апельсиновый, свежевыжатый. Его делаю каждое утро. Это моя работа.

Я — идеальная жена.

Ставлю тарелки на стол. Саша заходит ровно в семь.

Уже одет: строгий серый костюм, свежая рубашка, галстук. Волосы уложены, пахнет дорогим парфюмом. Покупаю ему этот запах уже десять лет.

Садится и сразу берет телефон.

— Доброе утро, — говорю.

— М-м-м, — отвечает, не поднимая глаз.

Ставлю перед ним тарелку. Кивает машинально. Пьет кофе и смотрит в телефон. Пальцы скользят по экрану, чуть

улыбается чему-то.

Сажусь напротив.

— Сегодня поздно? — спрашиваю.

— Что? — отрывается на секунду.

— Ничего. Ешь.

И снова утыкается взглядом в экран. Смотрю на его кисти. Такие же, как пятнадцать лет назад, когда он держал меня за руку на нашей свадьбе. Широкие ладони, сильные пальцы. Теперь эти руки держат только телефон и документы.

Доедаем в тишине. Встает, ставит тарелку в раковину. Иду за ним, чтобы проводить.

Надевает пиджак. Поправляю воротник рубашки — машинально, по привычке. Саша чуть наклоняет голову. Целует в щеку — меньше секунды. Потом отворачивается, берет ключи.

— Буду поздно, — бросает через плечо.

— Я приготовлю ужин, — говорю в закрытую дверь.

Остаюсь одна.

Медленно иду по дому. Провожу пальцами по свадебному фото. На нем я смеюсь. Настоящая улыбка. Открытая, сияющая. Сейчас смеюсь редко, только когда нужно.

Подхожу к двери его кабинета. Заперта, но я знаю, где ключ. Отворачиваюсь. Взгляд падает на пиджак Саши. Надел другой, а этот лежит в кресле. Беру, чтобы повесить в шкаф — из внутреннего кармана вылетает бумажка.

Наклоняюсь и поднимаю.

Чек.

Смотрю на него, и сердце останавливается на полсекунды. Название ювелирного салона —того самого дорогого магазина в центре, мимо которого прохожу, но никогда не заглядываю. Сумма: триста тысяч рублей. В графе «Назначение» — «кольцо с бриллиантом».

Кольцо.

Бриллиант.

Триста тысяч.

Пальцы чуть дрожат. Провожу подушечкой по гладкой бумаге чека, словно прикасаюсь к самому кольцу. Губы расплываются в улыбке. Настоящей. Первой за это утро.

Вспоминаю: через две недели годовщина. Пятнадцать лет. Не праздновали нормально уже несколько лет.

Неужели в этом году Саша решил удивить?

Купил кольцо. Тихо, без моего ведома. Наверное, хочет сделать сюрприз в ресторане, куда позовет. Или надеть на палец во время завтрака — как в том фильме, что смотрели когда-то давно.

Прижимаю чек к груди. Сердце замирает, глаза щиплет. От радости? От облегчения? Чувствую: что-то треснуло внутри, но эта трещина затягивается теплом.

Иду в ванную и смотрю на себя в зеркало.

Улыбаюсь. Эта улыбка не такая, как утром для проверки морщин. Настоящая. Идет изнутри, откуда-то из глубины, где живет та девушка, что смеется на старой фотографии.

Она смотрит теперь уже без вызова. Рада за меня.

Зачесываю волосы назад и представляю: вечер, я надеваю платье, то самое, нежно-кремовое, из летящего шелка, купленное в прошлом году и ни разу не надетое. Он подает коробочку. Открываю. Там — кольцо.

Говорит:

— Я люблю тебя, Катя».

Пятнадцать лет.

Он помнит.

Всегда думала, что забыл, но нет. Все эти ужины в тишине, вечера с телефоном. Неужели готовился к этому моменту? Наверное, была несправедлива к нему.

Отворачиваюсь от зеркала и замечаю на виске седой волосок. Трогаю пальцами. Надо выдернуть, но не решаюсь.

Снимаю обручальное кольцо. Тонкое, простое, без камня. Покупали в маленьком магазинчике, когда не было денег. Смотрю на полоску на пальце — там, где солнце не касалось кожи. Протираю кольцо тканью. Надеваю обратно. Не могу представить палец без него. Будто оно — часть меня.

Но теперь рядом с ним будет другое.

Шепчу в зеркало:

— Он помнит.

Звук собственного голоса в пустой ванной кажется чужим. Возвращаю чек в карман пиджака, словно и не видела его.

На глазах закипают слезы, но я смахиваю их сердито.

Сегодня утром я так счастлива!

Глава 2

Весь день я чувствую небывалый подъем и кружусь по дому, наводя глянец, обдумывая ужин. Саша неожиданно возвращается рано и сразу запирается в кабинете.

«Готовит сюрприз», — рот растягивается в улыбке.

Подкрадываюсь к пиджаку, сую руку в карман — чек исчез.

Ясно. Испугался, что я замечу, спрятал.

Стою у плиты, пританцовывая, и масло на сковороде шипит. Нарезаю лук кольцами, тонко, как учила мама. Морковь всегда тру на крупной терке, Саша не любит мелкую. Курица уже замаринована, ждет своей очереди. Ужин почти готов.

Мысль о чеке не отпускает. Думаю, какую прическу сделать для вечера, какой макияж и маникюр. Хочу выглядеть как та девушка с фотографии.

Поправляю его чашку на подставке: ставлю ровно под углом девяноста градусов к краю стола. Всегда так делала, чтобы ему было удобно брать. Замечаю это движение и задерживаю взгляд на своих пальцах. Пятнадцать лет так ставлю чашку — он ни разу не сказал спасибо.

Ну и что! У всех свои привычки.

— Ужин через пять минут, — кричу.

Слышу стук шагов по лестнице, Саша проходит на кухню, садится, и я вижу телефон в его руке. Когда мой взгляд пада-

ет на него, он быстро переворачивает экран. Но я вижу этот жест. Раньше не замечала.

Сейчас замечаю.

Не подаю вида. Ставлю перед ним тарелку с курицей и овощами. Он кивает, берет вилку, но пальцы другой руки уже лежат на телефоне. Ждет. Я сажусь напротив и начинаю есть.

Тишина.

Обычно я молчу, потому что нечего сказать. Сегодня я молчу, потому что жду.

Он не поднимает глаз. Смотрит в тарелку, потом на экран, быстрый взгляд, как у вора. Телефон лежит темный, но он дважды касается его пальцами: проверяет, не пришло ли уведомление.

— Ты что-то покупал вчера? — спрашиваю, а голос фальшиво спокоен.

Он вздрагивает. Едва заметно. Я вижу.

— Тебе показалось, — отвечает резко.

— Я видела чек, Саш.

— Ах это! — он отмахивается, как от мухи. — Мелочи. Потом скажу.

Мелочи? Триста тысяч из ювелирки — это мелочи?

Внутри появляется тревожный ком.

Муж переводит тему. Спрашивает, не забыла ли я отдать его костюм в химчистку. Я отвечаю, что отдала. Он кивает. Телефон снова берет, быстро печатает что-то под столом. Я

вижу отражение его пальцев в стеклянной дверке духовки. Смазанные, нервные движения.

Он доедает, встает.

Я тоже поднимаюсь, иду за ним в гостиную. Провожаю всегда, но сейчас кажется, что я не иду, а следую.

Он садится на диван, берет пульт от телевизора. Я приношу чай — два стакана. Его с мятой, мой без нее. Ставлю на столик, сажусь рядом.

В этот момент приходит уведомление.

Телефон в его кармане вибрирует. Коротко, один раз, но он дергается, резко, как от удара. Хватает телефон, вытаскивает, смотрит. Я вижу, как его лицо меняется на секунду. Тень. Тень, которая исчезает так же быстро, как появилась.

— Работа, — говорит, но смотрит он не на меня.

Потом встает.

— Я устал. Приму душ.

И уходит в спальню. Не целует меня в щеку. Просто уходит, и я слышу, как открывается дверца шкафа, как он достает полотенце. Дверь в ванную закрывается. Шум воды доносится даже сюда, в гостиную.

Он оставил телефон на тумбочке или нет?

Тревога давит на грудь, трудно дышать. Я сижу на диване, держу стакан с чаем, который почти остыл. Но я не замечаю.

Шум воды продолжается.

Телефон там, в спальне. Саша никогда не оставляет его. Никогда. Даже когда мы ссоримся, он сердится, но берет те-

лефон в ванную.

— Вдруг позвонят, — говорит.

А сегодня?

Почему-то очень важно, чтобы забыл взять именно сегодня.

Я ставлю стакан на столик. Иду.

Шаги медленные, как во сне. Голова пустая, руки не дрожат, и это удивляет. Должны дрожать, но не дрожат.

Вхожу в спальню и вспыхиваю: телефон лежит на тумбочке.

Экран темный, но когда я подхожу ближе, он загорается. Уведомление. Я не смотрю на текст. Просто вижу имя: Алина М.

Ком в груди перекрывает дыхание. Это может быть кто угодно: от секретаря до…

Беру телефон.

Он заблокирован, но я знаю его код — дата нашей свадьбы. Всегда знала. Сейчас эта дата как пощечина.

Пальцы касаются экрана, и он открывается на мессенджере. Смотрю на переписку, перед глазами все расплывается. Контакт — «Алина М.». Читаю последнее сообщение от нее:

«Котик, мне нужно выбрать шторы в ту квартиру. Ты обещал завтра помочь мне. Жду».

Шторы… квартира… завтра.

Что за бред? У нас нет другой квартиры, кроме этого дома.

Читаю его ответ:

«Потерпи. Я все решил. Квартира твоя, Рыжик».

Я стою с телефоном в руках, в ушах шумит. Все мои счастливые надежды рассыпаются в прах. Встряхиваюсь, смахиваю слезы, листаю выше.

Эмодзи, сердечки, фото… Ее фото.

Она красивая и молодая. Как та девушка с фото в гостиной. Она белозубо смеется, длинные рыжеватые волосы рассыпаны по плечам. Приглядываюсь и холодею. Она снята в ресторане. В том самом, где мы праздновали день рождения Саши в прошлом году. Мы сидели у окна, а она?

Приглядываюсь: это же соседний столик!

Она тоже была там? Это случайность или…

Я не помню ее.

Пальцы двигаются сами. Делаю скриншоты. Один, второй, третий — вся переписка. Ее голосовые, его ответы, фото — все сохраняю. Зачем? Не знаю. Действую на автомате. Мозг еще не принял решения, а руки работают.

Каждый щелчок в тишине звучит как выстрел. Но пальцы не дрожат. Совсем.

Отправляю все себе на почту, в облако. Чищу историю отправленных в его телефоне. Не удаляю переписку, только свой след. Он никогда не узнает.

Убираю телефон обратно, кладу так же, как лежал. Экраном вниз. Выхожу из спальни.

Шум воды стихает. Дверь ванной открывается. Шаги по

коридору, в спальню. Он забирает телефон. Слышу, как поднимает его с тумбочки: доносится легкий стук чехла о дерево.

Через минуту спускается в гостиную.

— Ты еще не ложишься? — спрашивает.

Голос мягкий, почти ласковый.

— Не хочется, — отвечаю и смотрю в стену.

Садится рядом. От него пахнет гелем для душа.

— Устала, наверное, — говорит он.

Целует в щеку. Долго. Тепло. Привычно.

Я принимаю поцелуй. Не отвечаю. Просто сижу и чувствую его губы на своей коже. И думаю: я знаю все. А ты не знаешь, что я знаю. Какой же ты подлец, Саша!

— Пошли спать, — говорит он.

Я киваю и иду за ним в спальню. Ложусь на свою половину кровати. Он — на свою. Простыня холодная, но я не поворачиваюсь к нему, не обнимаю.

Он засыпает быстро, дыхание становится ровным. Слышу его сопение, спокойное, мирное.

Я лежу с открытыми глазами и смотрю в потолок.

Пятнадцать лет.

Поворачиваю голову, смотрю на него. Беззащитный, почти как мальчик. Волосы упали на лоб, и я хочу убрать их, как делала раньше. Не убираю.

Закрываю глаза. Душа будто заледенела.

Первая слеза скатывается по щеке, падает на подушку. Я

не вытираю ее.

Даю себе слово: она будет единственная.

Утро придет, и я буду улыбаться. Буду делать завтрак, поправлять его чашку, провожать до двери. Он ничего не узнает.

Пока не узнает.

Глава 3. Саша

Я всегда просыпаюсь раньше жены — многолетняя привычка. Открываю глаза и смотрю на потолок. Спальня светлая, стерильная, с идеально ровными стенами. Ненавижу ее, и каждую деталь в ней. Слишком все правильно и гладко!

Жена проектировала дом сама, и в этом весь Катя: каждая линия выверена, каждая вещь на своем месте. Никакого хаоса. Никаких сюрпризов.

В ванной цепляю взглядом свое отражение.

Сорок пять. Волосы еще густые, только на висках серебрится седина, фигура не расплылась. В зеркале — успешный и богатый мужчина, владелец строительной компании. Мужчина, который может позволить себе все.

В том числе молодую любовницу.

А почему бы и нет?

Дома будни, а с Алиной сплошной праздник. Улыбаюсь. Вспоминаю длинные ноги от ушей, рыжеватые волосы, ямочки на щеках. Моя прелесть, мой Рыжик!

В груди разливается тепло.

Из ванной выхожу в приподнятом настроении, но Кате его не показываю: начнет допрашивать. Проще жевать глазунью, запивать ее кофе и молчать с умным видом.

У выхода Катя подает мне пиджак, поправляет галстук. Привычно вытягиваю шею. Ее пальцы теплые, подушечки

мягкие, ногти аккуратно подстрижены. Никогда не зацепит, не оставит царапину.

Не то что Алинка!

Эта тигрица так и норовит пройтись по моей коже своими коготками и острыми зубками.

Едва сдерживаю улыбку. Мы сегодня встречаемся. Яички сводит судорога от предвкушения, брюки натягиваются между ног.

— Спасибо, — делаю шаг назад. — Я сам.

Выхожу из дома в семь тридцать утра.

Катя стоит на крыльце, провожает меня. Всегда провожает. Я целую ее в щеку — машинально, по привычке. Она улыбается. Сажусь в машину, завожу мотор.

Звонок от Алины в ту же секунду, как выезжаю со двора.

— Саш, привет, — голос сонный, но счастливый. — Ты когда приедешь?

— Через час, — отвечаю. — Я тебе обещал.

Она вздыхает в трубку, и я слышу улыбку в этом дыхании.

— Я жду…

Кладу трубку и смотрю в зеркало заднего вида. Дом Кати — наш дом — становится маленьким, потом исчезает за поворотом. А мне кажется, что и моя прошлая жизнь исчезает за этим поворотом.

Через час я паркуюсь у дома любимой. Она живет в новом районе, в арендованной квартире. Яркая, шумная Алинка всегда пахнет духами и выпечкой, которую она заказыва-

ет в ближайшей кондитерской. Она не умеет готовить, и это меня нисколько не раздражает. Наоборот, вносит разнообразие в мою до тошноты правильную жизнь.

Поднимаюсь на третий этаж. Нажимаю кнопку звонка. Дверь открывается сразу, и Рыжик бросается мне на шею.

— Сашка! — визжит. — Ты приехал!

Обнимает, целует. Короткий халат — шелковый, розовый — почти ничего не скрывает. В том числе и округлый животик. Аккуратный такой. Я наклоняюсь и целую его.

Я счастливо улыбаюсь. Как легко быть с ней мужчиной!

И скоро я буду отцом.

А с Катей нужно быть мужем. Кормильцем семьи, добытчиком, другом, идеалом во всем…

Это разные вещи.

— Ты обещал мне сюрприз, — говорит Алина, ведя меня за руку на кухню. — Где он?

Я достаю из кармана маленькую коробочку. Кладу на стол. Она смотрит на нее, потом на меня, глаза распахиваются.

— Саш, это...

— Открой, — говорю.

Она открывает. Кольцо с бриллиантом — белое золото, идеальная огранка. Я выбирал его вчера и знал: она скажет «да». Свет падает на камень, и он вспыхивает синими искрами. Она ахает, прижимает ладони к губам.

— Господи, Саша... — выдыхает. — Оно такое...

— Тебе нравится? — спрашиваю.

Она кивает, смотрит на меня с обожанием.

— Я люблю тебя, — говорит и целует так, что я теряю дыхание.

Сажаю ее к себе на колени. Она крутит кольцо на пальце, любуется им.

— Ты серьезно? — тихо спрашивает. — Мы... мы правда будем вместе?

— Правда, — отвечаю. — Я все решил. Квартира уже оформляется. Кольцо на твоем пальце. Малыш тут, — кладу ладонь на ее теплый живот. — Что еще нужно?

Она смотрит мне в глаза, и в этом взгляде — детская наивность и одновременно расчет. Я вижу это, но не хочу замечать.

— Твоя жена, — говорит она. — Катя.

Я молчу.

— Саш, — мягко продолжает она. — Ты уже поговорил с ней?

— Нет еще, — отвечаю уклончиво. — Не торопи события.

Она надувает губы, и это уже не кажется милым. Раздражение ползет по позвоночнику.

— Я не хочу быть любовницей, — говорит она. — Я хочу быть твоей женой. Ты обещал.

— Я обещал, — киваю. — И сдержу слово. Но время нужно.

— Какое время? — голос становится громче. — Ты уже год водишь меня за нос! Год, Саша! У нас скоро будет ребе-

нок, а ты...

— Тише, — перебиваю я. — Я сказал — решу. Значит, решу.

Смотрю в окно и думаю о Кате. Она ждет меня к ужину. Как всегда. Приготовит любимое блюдо, поправит мою чашку на столе. Она думает: я не замечаю ее заботу. И зря. Я замечаю.

Но принимаю на автомате, как чищу зубы или завязываю узел галстука.

Надо бы сказать ей «спасибо», поцеловать в щеку и уйти в кабинет. Но я, скорее всего, просто уйду. И не будет ни вопросов, ни упреков.

Она всегда верит. Пятнадцать лет.

А я вру каждый день.

Алина всхлипывает у меня на коленях, и я чувствую ее слезы на своей рубашке. Она хочет быть главной. Хочет стоять на первом месте.

Катя никогда не хотела. Она бросила работу, когда я сказал, что хочу семейного счастья, и полностью отдала себя мне.

Я глажу Алину по голове и говорю мягко:

— Успокойся. Посмотри, какое красивое кольцо. Скоро ты переедешь в новую квартиру. Там будут твои шторы, твоя мебель и детская комната. Мы будем жить вместе. Хорошо?

Она поднимает на меня заплаканные глаза.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы пьем кофе на ее маленькой кухне. Она снова смеется, слезы высохли. Рассказывает, какие шторы выбрала. Говорит про ремонт, про детскую кроватку. Я слушаю вполуха, киваю. Но думаю совсем о другом.

— Котик, когда мы поженимся? — надувает губки Алина.

— Скоро.

— Когда у меня живот на нос вылезет.

Я встаю.

— Не успеет. Мне нужно в офис, встреча с партнером.

Алина целует меня на прощание — долго и сладко — и шепчет:

— Я тебя люблю.

Я отвечаю:

— Я тоже.

Но я опять вру. Я не знаю, что и кого люблю. Алину за страсть и яркость или Катю за то, что она есть. За то, что ждет в нашем доме, который я не могу у нее отобрать.

Глава 4. Катя

Просыпаюсь от того, что в доме тихо.

Обычно в шесть утра я уже на ногах, а сегодня открываю глаза и вижу солнечный свет, пробивающийся сквозь шторы. Слишком яркий. Слишком высокий. Смотрю на часы. Половина десятого.

Я проспала.

Впервые за пятнадцать лет. Тело просто отказалось подниматься. Как будто сказало: «Нет, ты сегодня не будешь готовить завтрак и провожать мужа. Хватит!»

Ночь не спала. Лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок и прокручивала в голове его переписку. Слово за словом. Фото, сердечки, эмодзи. В памяти отпечаталась каждая деталь.

А еще вопросы.

Почему Сашка завел любовницу? Устал от меня? Я не устраиваю его в постели?

Или дело в детях?

Да, мы сначала хотели пожить для себя, а когда созрели, поняли: есть проблемы. Причем у обоих. Можно было воспользоваться модным ЭКО, но Сашка сказал:

— У нас возраст. Не хочу быть старым папашей.

И я, как всегда, последовала за ним.

Может, зря?

В ванной смотрю на себя в зеркало: глаза красные, под ними тени. Я не плакала — просто не спала. Это хуже. Когда нет слез, но внутри все дрожит.

— Ты ничего не знаешь, — шепчу своему отражению. — Может быть, это просто флирт. Молоденькая вертихвостка, которая погналась за богатым папиком.

Но я не верю в свои слова, потому что видела, как он писал про квартиру. Видела, как называл ее «малыш». Он никогда меня так не называл, даже в юности.

Завтрак на автомате. Руки двигаются сами — яйца, помидоры, кофе. Поправляю его чашку на столе — ставлю под девяносто градусов, как всегда. И вдруг понимаю: зачем? Зачем я это делаю, если его нет?

Убираю чашку в шкаф. Потом снова ставлю.

Не могу остановиться. Руки помнят то, что голова уже забыла.

Ем и смотрю в окно на березы. Они шелестят листьями, и мне кажется, что смеются надо мной. Сажала их, когда мы въехали в этот дом. Думала: вырастут, и мы будем стареть под ними.

Кажется, буду стареть здесь только я.

Одна.

После завтрака начинаю уборку. Надо чем-то занять руки. Убираюсь, протираю пыль, переставляю книги. Мысль о переписке как заноза в пальце — пытаюсь вытащить, но только глубже засаживаю.

«Квартира твоя».

Он купил ей квартиру. На какие деньги? На общие? Мы ведь строили бизнес вместе. Пятнадцать лет назад я вложила в эту компанию свои чертежи, идеи, энергию. Я была соучредителем, пока он не сказал:

— Кать, нам нужна семья, а не твоя карьера.

Я ушла. Поверила.

А теперь он покупает квартиру другой женщине.

Звоню Ирине, моей подруге, она адвокат. Хочу спросить, что делать. Но когда она берет трубку, говорю:

— Ир, привет. Просто хотела услышать твой голос.

Она смеется:

— Кать, ты странная. Что случилось?

— Ничего, — отвечаю. — Утро пасмурное. Тоска.

— А как же Сашка?

— На работе.

Мы болтаем пять минут. Я молчу о своих проблемах. Боюсь произнести это вслух: тогда станет реальностью.

Кладу трубку и снова смотрю в окно.

Вспоминаю чек и то, как Сашка сказал за ужином: «Ах это. Мелочи. Потом скажу».

Мелочи?

Триста тысяч рублей — мелочи. Подарок другой женщине — мелочь. Моя жизнь — мелочь.

Нет, если дело дойдет до развода и раздела имущества, мне понадобятся улики. А они есть, я уверена!

Дверь в его кабинет заперта, но я знаю, где лежит запасной ключ, я же делаю уборку.

Открываю дверь. Кабинет пахнет его парфюмом. На столе — бумаги, папки, органайзер. Все аккуратно, по-мужски. Я сажусь в его кресло и провожу рукой по столешнице.

Где-то здесь должны быть и документы на квартиру. Я знаю, что они есть.

Открываю ящики. Первый — канцелярия. Второй — счета. Третий — заперт. Смотрю на маленький ключ в замке. Он думает, что я не вскрою? Ошибается.

Нахожу связку ключей в ящике стола. Подбираю нужный. Замок щелкает.

В ящике — папка с синей обложкой.

Достаю. Вот теперь дрожат руки. На миг зажмуриваюсь. Это та граница, перейдя которую уже невозможно будет вернуться.

Медленно выдыхаю и открываю.

Договор купли-продажи. Трехкомнатная квартира в центре. Глаза бегут по строчкам: покупатель, продавец, застройщик… Я вижу сумму, вижу подпись Саши, вижу дату — вчерашняя.

Все фотографирую и закрываю папку. Кладу обратно в ящик, запираю на ключ.

Не плачу. Я будто окаменела.

Выхожу из кабинета и в прихожей замечаю на стойке синюю папку с логотипом компании. Его рабочие бумаги? Он

забыл их сегодня утром.

Мгновенно собираюсь и вылетаю за дверь.

Солнце стоит высоко, слепит глаза. Чудесный весенний день! Березы шелестят молодой листвой, трава зеленеет, только в моей душе — зима и пустота. Такая огромная, что кажется: я исчезну, если сделаю шаг.

Но я сажусь в машину. Еду.

Офис мужа — стеклянное здание в центре. Я сама проектировала его десять лет назад. Смотрю на фасад и узнаю свои линии. Раньше я гордилась этим зданием. Сейчас оно кажется чужим.

Паркуюсь, захожу через черный вход, поднимаюсь на лифте на четвертый этаж. В коридоре тихо: кабинет босса в конце, за закрытой дверью.

Но голос Саши доносится издалека: он с кем-то разговаривает.

Я уже протягиваю руку к двери и застываю, услышав свое имя.

— Тебе Катю не жалко? Столько лет вместе. — спрашивает Сергей Иванович, Сашин партнер по бизнесу.

О чем это они?

Саша смеется. Я знаю этот смех, легкий, беззаботный, каким он смеется с коллегами.

— Катя? — говорит он. — Да она как антикварная мебель: дорого, богато, нельзя прикоснуться — рассыплется. Катя не в накладе. Пусть живет в своем доме и не рыпается. Он ей

останется.

Мир замирает.

Я не дышу. Стою в коридоре с папкой в руках, и слова мужа повторяются в голове, как заезженная пластинка.

«Антикварная мебель».

«Не рыпается».

— Ты в новую жизнь с новыми силами?

— Да, оформлю квартиру на Алину и к ней перееду.

«Алине квартиру».

Я слышу, как он произносит ее имя с такой нежностью, какой у него не было для меня уже десять лет.

Слышу, как Сергей Иванович одобрительно смеется, а мне хочется крикнуть: «И ты, Брут!» Ходил в наш дом, сидел за моим столом, ел мою еду и… предал!

— Отчаянный, ты дружище! — смеется Сергей.

Саша вдруг говорит:

— Да, Алина — это другое. Молодая, яркая, ребенок будет. А Катька... ну, она свое отсидела.

Ребенок…

У Алины будет ребенок?

Его ребенок?

Тот, который не случился у нас. Тот, из-за которого я ушла из профессии — думала, если буду меньше работать, если буду больше дома, если буду идеальной женой, то смогу забеременеть.

Не смогла.

И тут новая мысль ударила под дых. Может, Сашка потому и не захотел пройти процедуру ЭКО, что уже имел отношения с Алиной?

Год назад она сидела в том же ресторане, что и мы. Неужели он там ее и приметил? Или наоборот, специально привел, чтобы почувствовать адреналин: жена и любовница рядом.

Прижимаю папку к груди и дышу, медленно, глубоко.

Разворачиваюсь и иду обратно по коридору. Шаг. Еще шаг. Лифт. Спускаюсь, и пол плывет под ногами. Оставляю папку на ресепшене и выбегаю на улицу.

Солнце светит, травка зеленеет. Я смотрю на нее, и она мне кажется красной, будто залитой кровью.

Сажусь в машину, цепляю случайным взглядом стеклянное здание, которое сама спроектировала. Здесь мой муж говорит обо мне как о мебели. Сжимаю руль до побелевших пальцев.

Домой! Только там я могу расслабиться и прийти в себя. Только там!

Веду машину медленно, аккуратно, будто боюсь расплескать отчаяние, заливавшее сейчас душу.

Дома вставляю ключ в скважину, и мелькает тонкое обручальное кольцо на пальце.

Снимаю его, замахиваюсь, ищу взглядом, в какую бы канаву выбросить, и замираю: везде ухоженные ландшафтные дорожки, газоны и подстриженные кусты.

Пятнадцать лет.

Сашка сказал: «Пусть живет в своем доме и не рыпается». Он купил квартиру другой женщине. Она родит ему ребенка. Он счастлив.

Я варила супы, гладила рубашки, поправляла его кружку на столе. Ушла из профессии, заперла свои проекты в подвале, ждала его с работы, принимала друзей, угождала свекрови.

А он назвал меня мебелью.

Ублюдок!

Я с силой сжимаю в ладони кольцо и вскрикиваю от боли. Зато в голове проясняется.

Не бывать этому!

Глава 5

Я хочу, чтобы он заплатил.

Бросаюсь снова в кабинет, вытаскиваю папку с синей обложкой. Я беру ее, и руки перестают дрожать. Внутри меня ледяная тишина. Такая, как перед бурей.

Я могла бы порвать договор. Сжечь. Спрятать. Но это ничего не изменит — он заключит другой. Оформит заново. Нет. Я сделаю иначе.

Медленно, почти церемонно, открываю папку. В первый раз я не прочитала документы внимательно. Сейчас фокусирую зрение.

Договор купли-продажи. Трехкомнатная квартира в центре. Покупатель… замираю: вот оно! Квартиру купил Сашка на себя, а хочет переоформить ее на Алину Михайловну Соколову. Сумма — несколько десятков миллионов. Дата — вчерашняя. Подпись Саши есть, а ее…

Я даже строительству дома так не радовалась, как этой пустой строчке.

— Да ты идиот, Сашуля! Полный идиот! — кричу во все горло. — Кто же хранит такие документы дома? Все, Сашенька, кукиш тебе, а не квартира. Все, что приобретено в браке…

Я хватаю телефон и набираю номер Ирины.

— Ир, — говорю. — Мне нужен твой совет.

— Кать? — голос подруги встревоженный. — Ты меня пугаешь. Обычно пропадаешь на месяцы, а тут два дня подряд звонишь. Что случилось?

— Ничего, — отвечаю. — Просто... я решила развестись.

В трубке повисает тишина. Ирина молчит так долго, что я проверяю, не сбросила ли она звонок. Но связь есть. Я слышу ее дыхание, частое, прерывистое.

— Ты... — она запинается, подбирает слова. — Катя, ты сейчас шутишь? Это глупо и совсем не смешно.

— Я не шучу, — говорю.

— Катя, — голос Ирины становится жестче, но в нем слышится паника. — Мы двадцать лет дружим. Ты и Саша — идеальная пара. Все всегда завидовали вашему браку. Твой дом, твой сад, твоя жизнь — это же мечта! И тут ты звонишь и говоришь про развод? С чего вдруг? Что случилось? Он ударил тебя? Изменяет?

— Угу.

— Вот козлина! Точно знаешь?

— Абсолютно! Вчера читала смс любовничков и слушала голосовые признания в любви.

— Да ладно? — Ира шумно выдыхает. — Может, флирт? Знаешь, седина в бороду… кризис среднего возраста…

— Ты его оправдываешь?

— Нет, конечно! Просто пытаюсь найти объяснение. И как давно?

— Не знаю, год точно.

— Твою ж налево! — вскрикивает она. — Сашка — настоящий долбое… — она шумно выдыхает и меняет тон. — И все же, может не будешь рубить сгоряча? Вспомни, сколько я намучилась.

Ирина развелась пять лет назад и только недавно пришла в себя от долгого бракоразводного процесса.

— Не сгоряча. Он купил квартиру и хочет переписать ее на любовницу, — говорю я. — Купил на наши деньги.

— Мерзавец!

— И еще… Она беременна. И я слышала, как он говорил обо мне в офисе. Я для него — мебель. Старая, дорогая, но мебель.

Ирина молчит и вдруг всхлипывает. Я никогда не слышала, чтобы Ирина плакала. Она всегда была сильной, собранной, адвокатом до мозга костей. А сейчас я слышу, как она сглатывает слезы.

— Катя, — говорит дрогнувшим голосом. — Катя, девочка моя... Ты как? Ты как вообще держишься?

— Держусь, — отвечаю.

— Я сейчас приеду и привезу тебе успокоительное, — говорит она. — Мы все обсудим, выпьем чаю. Ты только не делай глупостей.

— Мне не нужны успокоительные. И глупости я не собираюсь делать. Знаешь, Иришка, я будто из долгой спячки вынырнула.

— Не пугай меня.

— Я забрала документы на квартиру, — продолжаю я. — Поможешь ее оформить на меня?

— Не вопрос! Завтра приезжай в контору! Но, Катя, — Ирина снова выдыхает. — Ты понимаешь, что, если ты заберешь квартиру, начнется война? Может, мирно…

— Нет!

— Он будет биться за каждый рубль. Он не отдаст тебе ни копейки добровольно.

— Я знаю, — говорю. — Поэтому у меня есть старые бухгалтерские документы компании. Те, что я вела в начале. С серыми схемами. С двойными договорами. Если он тронет меня — они попадут в налоговую.

Ирина свистит сквозь зубы.

— Катя... ты серьезно? Ты хранила их все эти годы?

— На всякий случай, — отвечаю. — Теперь этот случай настал.

— Боже, — говорит она. — Я всегда знала, что ты умная, но чтобы так... Катя, это шантаж. Это уголовщина.

— Это защита, — поправляю я. — Он думает, что я мебель. Пусть узнает, что у сломанной мебели острые обломки.

Ирина смеется, нервно, с истерическими нотками.

— Господи, Катя, я люблю тебя. Ты только не делай глупостей, хорошо? Я помогу тебе. Мы все сделаем правильно. По закону. Без лишней крови.

— Я не хочу крови, — говорю. — Я хочу забрать свое и начать новую жизнь.

Я отключаюсь и иду в подвал: там в коробках и ящиках хранятся старые вещи и бумаги.

Здесь прохладно, пахнет лакированным деревом: стены отделаны панелями и на них играют зайчики, когда в низкое окно попадают лучи солнца.

Включаю лампу над старым столом, где уже много лет никто не работал. В углу стоит шкаф, забитый папками с моими чертежами и проектами — моя жизнь до того, как я стала «идеальной женой».

Разворачиваю пожелтевшие рулоны, смотрю на пометки, сделанные моей рукой десять лет назад. Жилые комплексы, частные дома, офисные здания. Я была ведущим архитектором. Меня знали, ценили, уважали. Мне кажется, что я не вижу некоторых работ, но это совсем неважно сейчас: могла убрать в другое место.

В нижнем ящике стола хранятся старые документы: бухгалтерские книги, двойные договоры, платежки.

Они-то мне и нужны.

Достаю папки. Перебираю бумаги. Складываю все в свою сумку. Это надо хорошенько спрятать. Теперь у меня есть ключи от нашего бизнеса. И если Сашка попытается меня уничтожить — я уничтожу его первой.

Глава 6. Саша

Сегодня у меня совещание.

Как назло, забыл дома важные документы, вот и сижу с умным видом и перевожу стрелки на менеджеров, потому что не помню ни одной цифры.

А все Алина виновата. С раннего утра забросала меня смс.

«Сашенька, приезжай!»

«Сашенька, я жду!»

«Сашенька, поторопись!»

И ни одного объяснения. Мчусь к ней, обливаясь потом от волнения и нарушая все правила дорожного движения.

Врываюсь в ее квартиру с вопросом:

— Что случилось? Ребенок?

Алина бросается мне на шею, визжит, как девчонка.

— Сашенька! Ты приехал! Я умираю от скуки!

— Тише, — говорю, отстраняясь. — Это и все?

— Еще завтрак и шторы.

— К-какие шторы? — смотрю на часы: через час совещание.

— Я купила их вчера! Ты забыл, что ли? Для нашей квартиры. Самые красивые!

Она тащит меня в гостиную, где на диване разложено воздушно-розовое безобразие. Вкуса у нее нет.

Целую в шею. Ммм… зато какая нежная кожа!

— Глупышка, — втягиваю запах ее волос. — Я же говорил — занят.

— Ну Сашенька, — прижимается ко мне. — Я хочу, чтобы все было… весело.

Она улыбается, и я сдаюсь. Киваю, рассматриваю шторы, хвалю. Она кружится по комнате, ноги длинные, покрытые нежным загаром.

Я подхватываю ее и несу в спальню. Невозможно удержаться от такой прелести.

Она хохочет, запрокидывает голову, где на шее пульсирует маленькая жилка. Прилипаю к ней губами и снова схожу с ума.

А она готова на любые эксперименты. Беременность ее не останавливает. С Алиной легко. С ней не нужно строить стены, ходить по струнке, скрывать свои эмоции. С ней, как в отпуске.

После короткого секса — завтрак. Она сварила кофе, сделала тосты с сыром, пережарила. Но главное — сама. Я удивлен: обычно она заказывает.

Алина улыбается, садится ко мне на колени, кормит с рук. И я ем, хотя дома выбросил бы такие тосты в мусорное ведро.

Но у Кати таких не бывает.

— Сашенька, ты лучший! — воркует Алинка и прикусывает мочку моего уха.

Голос звенит колокольчиком, и по телу пробегает знакомая горячая волна. С Алиной я забываю про возраст, про

усталость, про все.

— Я знаю.

Опять хочется в спальню. Рыжик действует на меня как наркотик.

— Сашенька, когда мы уже переедем в новую квартиру?

Упс! Ледяной душ на голову.

— Скоро, — говорю и встаю. — Сегодня вечером у меня разговор с женой. Я все решу.

Выхожу от Алины, сажусь в машину. Смотрю на часы — я чертовски опаздываю.

На совещании сижу, смотрю на лица партнеров, а взгляд мечется к экрану телефона. Алина шлет смс одно за другим, а в них фото, одно другого соблазнительнее. Кажется, менеджеры что-то говорят, но я не слышу.

Катя никогда не мешала моей работе, она понимала, насколько она важна. И вообще писала только по делу. Алина не понимает. Я нужен ей каждую минуту, каждый час.

Улыбаюсь.

— Александр Сергеевич, вы заключили договор?

— Что? — выныриваю из нирваны. — Какой договор?

— С компанией «Сибирьстрой».

— Да, но забыл пакет документов дома. Завтра принесу. Все свободны. Сергей Иванович, останься.

Смотрю, как менеджеры и прорабы покидают кабинет и постукиваю ногой от нетерпения.

— Санек, ты сам не свой, — бурчит Серега. — Совсем

спятил от своей любви?

— Неужели так заметно?

— Ага. Квартиру переоформил?

— Документы все готовы, осталось подпись Алины поставить.

— Не тяни. Вдруг Катя узнает.

— Да что, Катя! Она верит мне безоговорочно, да и в кабинет не заходит. Завтра заберу из дома, и Алина подпишет.

— Тебе Катю не жалко? Столько лет вместе.

— Жалко, конечно, потому и тяну с разговором. Обещал Алине еще вчера поговорить, но не получилось.

— Согласен, трудно.

— Да мы уже почти чужие люди. Катя как антикварная мебель: дорого, богато, нельзя прикоснуться — рассыплется. Катя не в накладе. Пусть живет в своем доме и не рыпается. Он ей останется.

— И в новую жизнь с новыми силами? — спрашивает Сергей.

— Да, оформлю квартиру на Алину и к ней перееду.

— Отчаянный, ты дружище!

— Сам себя боюсь. Но Алина — это другое. Молодая, яркая, ребенок будет. А Катька... ну, она свое отсидела.

От резкого звука из приемной мы оба подпрыгиваем. Серега бросается к двери, распахивает ее — никого. В стеклянной стене коридора мелькает темная тень. Кто-то здесь был?

Сергей уходит, я сажусь за стол, открываю ноутбук. Пыта-

юсь работать, в груди неприятный холодок. Был кто-то или не было? Что услышал из нашего разговора?

Вдруг это была Катя?

Отгоняю эту мысль. Жена не могла прийти в офис. Она давно отошла от дел: сидит дома, занимается садом, готовит ужины, наводит порядок. Иногда рисует новые проекты — для души, не для денег. Я беру их себе. Ставлю свою подпись, запускаю в реализацию. Ее идеи кормят мой бизнес уже несколько лет и приносят мне миллионы. Это моя личная подушка безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.